

С.А. Ковалевский

Россия, Кемерово

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва

О культовой роли ирменских зольников

На поселениях ирменской культурно-исторической общности (в традиционном понимании культуры – *С.К.*) юга Западной Сибири исследователями периодически фиксируются т.н. зольники. Количество таких поселений с зольниками невелико (около двух десятков), что по нашим данным составляет лишь около 5% от всех известных к настоящему времени. Зольники обнаружены на поселениях Новосибирского и Алтайского Приобья (Ирмень-I, Милованово-III, Ельцовское-II, Быстровка-IV, Петушиха-I, Красный Яр-I В, Кротово-XVIII, Быково-III, Фирсово-IV, Фирсово-XVIII, Казенная Заимка), северо-восточного Присалаирья (Гришкина рыбалка, Изылы-I, Иня-IX (Ясашный Луг), Красный Яр-I, Исток), Верхнего Притомья (Артышта-VI), Омского Прииртышья (Сибирская Саргатка-I, Алексеевка-XXI), а также Барабинской и Кулундинской лесостепи (Чича-I, Омь-I, Жарково-I).

Сравнительно небольшое количество известных зольников может объясняться, как слабой изученностью большинства известных ирменских поселений, так и плохой сохранностью многих памятников. А также тем, что они сооружались только на стационарных, т.н. зимних поселениях.

Ирменские зольники традиционно помогали специалистам (А.В. Матвеев, Е.А. Сидоров, А.Б. Шамшин и др.) изучить вопросы реконструкции хозяйственной деятельности, а также проследить этапы формирования того или иного поселения. Наряду с этим, зольники стали рассматриваться и с культовой точки зрения. Ещё в первой половине 1950-х гг. М.П. Грязновым в ходе изучения поселения Ирмень-I, был исследован достаточно крупный зольник. Специалист, называя зольник местом, связанным с культом огня и очага, указывал, что сюда ставились горшки с какими-то приношениями (при раскопках найдено три небольших горшка) и некоторые другие вещи, среди которых им выделена лошадиная бабка, в головке которой просверлена пара отверстий, куда были вставлены белокаменные аргиллитовые цилиндрические бусы-глазки. Один глазок сохранился на месте. По бокам головки, снизу, пара сквозных отверстий, возможно для продевания серёг. М.П. Грязнов сопоставлял эту находку с т.н. эменгендерами или оренконерами, использовавшимися телеутами, шорцами и кумандинцами Северного Алтая. Исследователь пришёл к выводу, что антропоморфная лошадиная бабка, найденная в зольнике, является памятником домашнего семейного культа родовых предков, как у телеутов и других современных североалтайских племён [Грязнов, 1953. С. 6-7, 34-37].

В тоже время, есть основания связывать функционирование зольников и с какими-то обрядами, связанными с погребально-поминальным культом. В этой связи значительный интерес представляют наблюдения и выводы О.Н. Корочковой. Она, как и ранее А.В. Матвеев, связывает появление традиции сооружения зольников с андроновской культурой. Своеобразие сибирских зольников, по ее мнению, передают в большей степени комплексы

пахомовской, ирменской и сузгунской культур эпохи поздней бронзы [Корочкова, 2009. С. 25-35].

Важно и то, что в отличие от андроновских зольников, которые воспринимаются О.Н. Корочковой по характеру напластований, обилию костей и невыразительному набору предметов как свалки мусора и места ссыпания золы из домашних очагов, зольники андроновской общности и ирменской культуры являются более информативными. Говоря об ирменских зольниках, специалист считает, что их нужно рассматривать как «объекты, выполнявшие в древности особые функции, которые не исчерпывались сугубо утилитарными свойствами» [Корочкова, 2009. С. 26].

В качестве обоснования приводится характеристика зольника 2 поселения пахомовской культуры Ново-Шадрино-VII, где были обнаружены разрозненные останки 14 человеческих скелетов, которые она расценивает как преднамеренное коллективное фракционное погребение. Подобное обращение с погребёнными было зафиксировано специалистом также на поселении Усть-Китерма-IV и в кургане 2 могильника Усть-Китерма-V. Сходная ситуация прослежена и в других материалах пахомовской (Батаково-XXI) и сузгунской культур (погребальные комплексы на Больших Крутинских озёрах).

Исследователем предполагается «существование в среде населения андроновской общности характерного погребального обряда, выражающегося в практике парциальных индивидуальных и коллективных захоронений, в том числе на территории поселений» [Корочкова, 2009. С. 30]. Допускается практика экскарнации (выставления), существовавшая на территории Западной Сибири в течение всего бронзового века и уходящая в неолит. Упоминает О.Н. Корочкова и о находках человеческих костей в зольниках ирменских поселений лесостепного Прииртышья, а именно Сибирской Саргатки-I, а также Алексеевки-XXI. По наблюдению специалиста, пахомовские зольники вместе с ирменскими на востоке и белогрудовскими и сабашиновскими на западе очерчивают огромную территорию от Приобья до Причерноморья, на которой культивировались сходные ритуалы. Их распространение свидетельствует, по мнению О.Н. Корочковой, о том, что речь может идти об этнической консолидации населения, обладающего этнической близостью, имеющего индоевропейские корни и владеющего развитыми формами производящего хозяйства, прежде всего придомного скотоводства [Корочкова, 2009. С. 33, 34].

Интересно, что практика ритуального использования зольников была ранее зафиксирована Д.В. Папиным в саргаринско-алексеевской культуре. Специалист атрибутирует зольник поселения Рублёво-VI (Кулундинская лесостепь) как культовое сооружение, связанное с погребально-поминальной обрядностью. Этот вывод опирается на находки специфической керамической посуды, человеческих костей и бронзовых вещей, намеренно помещённых в зольник этого поселения [Папин, 2002. С. 181-183].

Имеющиеся ирменские материалы не дают пока безоговорочных свидетельств, аналогичных пахомовским о существовании традиции парциальных индивидуальных и коллективных захоронений на поселениях, связанных именно с зольниками. Хотя и стоит отметить, что немногочисленные

погребения на ирменских (Красный Яр-I, Омь-I, Торопово-VII), позднеирменских (Крестьянское-IX, Чича-I, Линево-I) и большереченских (Мыльниково) поселениях известны. Да и существование вторичных погребений в ирменской погребальной обрядности также дает основание предполагать существование практики экскарнации. Не исключено что в качестве площадок для экскарнации могли использоваться и зольники поселений. По крайней мере, роль огня и огненных ритуалов в ирменской погребальной обрядности хорошо известны специалистам.

Интересна и существовавшая взаимосвязь организации сакрального пространства, предназначенного для погребений и поселенческих зольников, зафиксированная авторами раскопок могильника Танай-VII. Речь идёт о преднамеренном принесении золы с поселения (вместе с подвергшимися воздействию огня костями животных и фрагментами поселенческой посуды) и использование ее в качестве засыпки могильного пространства (включая сами погребения) [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2001. С. 230].

Вообще использование поселенческого грунта, насыщенного фрагментами разновременной поселенческой керамической посуды и костей животных, отмечалось ранее в ирменских могильниках. Например, такая практика зафиксирована при сооружении курганов вытянутой или овальной формы с большим числом погребений в могильнике Сапогово-I [Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996. Рис. 24-26, 65, 66].

Приведённые выше наблюдения свидетельствуют об особой роли зольников в культовой практике древнего населения эпохи поздней бронзы, проживавшего в лесостепной полосе Западной Сибири. Имеющиеся немногочисленные факты позволяют нам считать, что культуры, сформировавшиеся на андроновской основе (включая ирменскую) имели вполне сформировавшуюся культово-обрядовую практику, элементом которой являлись ритуалы, связанные с огнём [Ковалевский, 2016. С. 30-42].

Литература

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-7 в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАиЭт СО РАН, 2001. С. 224-230.

Грязнов М.П. Отчёт об археологических работах Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС в 1953 году // Архив ИА РАН. Р. I, № 920. Ленинград, 1953. 69 л.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // Труды ККАЭЭ. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. Том 1. 206 с.

Ковалевский С.А. О верованиях и обрядах ирменского населения // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016. Вып. IX. С. 30-42.

Корочкова О.Н. О Западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // Российская археология. 2009. № 1. С. 25-35.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублёво-VI // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 181-183.